

нибудь поединку героеvъ. Несмотря на всю простоту, его рассказъ поражаетъ тѣмъ реализмомъ, которымъ отличаются его большіе романы. Передъ такой дракой мальчугановъ учитель легко можетъ испытать то же колебаніе, какое испытывалъ Толстой, и очень стоитъ подумать, не полезнѣе ли бываетъ естественное окончаніе драки, чѣмъ вмѣшательство, въ качествѣ deus ex machina, строгаго педагога, который налагаетъ наказанія и, дѣлая выговоры, часто выказываетъ худшій нравъ, чѣмъ оба дерущіеся.

ГЛАВА III. Наказаніе.

Толстой совершенно отвергаетъ наказанія. Но привычка къ нимъ была настолько сильна въ немъ и въ его помощникахъ, что они допустили какъ-то ихъ (разъ или два); но въ результатѣ было только то, что Толстой еще болѣе укрѣпился въ своей мысли о ихъ полной непригодности.

Онъ приводитъ такой примѣръ. Изъ физического кабинета пропала лейденская банка; нѣсколько разъ пропадали карандаши и книжки. Спросили мальчиковъ; лучшіе ученики покраснѣли и заробѣли такъ, что всякий слѣдователь подумалъ бы, что замѣшательство это есть вѣрное доказательство ихъ вины, но понятно, что одна мысль подозрѣнія глубоко и больно оскорбила ихъ. Наконецъ открылись воры—два мальчика изъ дальней деревни; они прятали краденныя вещи въ сундучокъ. Открытие было для школы болѣшимъ облегченiemъ, такъ какъ снимало подозрѣніе съ другихъ учениковъ. Предложили имъ самимъ назначить наказаніе: одни требовали высѣчь вора, но непремѣнно самимъ; другіе говорили: ярлыкъ пришить съ надписью воръ. Согласились на ярлыкъ, и когда дѣвочка нашивала ярлыкъ,—всѣ ученики съ злую радостью смотрѣли и подтрунивали надъ на-